

С того самого момента, как Цуй Люй спас Ли Янь, он ясно осознавал: мирное сосуществование с Цю Саньдао, Цзи Байлин и им подобными более невозможно.

Пока девушка оставалась в Цзянчжоу, он не мог позволить им и пальцем её тронуть. Здесь не было места для компромиссов или долгих уговоров — Цуй Люй должен был предельно чётко заявить о своей позиции.

Решение открыто пойти на конфликт с Цю Саньдао именно сейчас не было спонтанным — Цуй Люй принял его после двух дней пристальных наблюдений.

Однако Цуй Чэн, который только что прибыл и ещё не успел разобраться в происходящем, едва не лишился чувств от страха. Поддерживая хозяина под руку, он шёл, содрогаясь всем телом и стараясь заслонить Цуй Люя со спины. Дворецкий до смерти боялся, что этот мрачный командир в любой миг снова выхватит клинок.

Весть о ранении хозяина пришла Цуй Чэну тайно, с приказом не поднимать шума и явиться незаметно. Он прихватил с собой три десятка охранников из главного поместья, и вместе с теми, кто прибыл ранее, их набралось ровно пятьдесят. Цуй Чэн надеялся, что эти люди станут опорой для господина, но, добравшись до места, почувствовал, как у него подгибаются колени.

Боевые клинки армейского образца, выправка, высокомерные взгляды — эти люди не имели ничего общего с обычными стражниками управы Цзянчжоу. Всё в них выдавало столичную гвардию. Поначалу, видя невозмутимость инспектора Би Хэна, Цуй Чэн пытался настроить себя на дружелюбный лад. Но стоило ему узнать, что рану на спине хозяина оставил именно этот командир, как вся логика событий в его голове рассыпалась.

Господин велел привести ещё два отряда... Неужели из-за этого ранения всё окончательно разладилось и теперь они готовятся к открытому бою?

Прослужив у Цуй Люя десятки лет, Цуй Чэн прекрасно знал: его хозяин был человеком крайне злопамятным. Он никогда не прощал обид — либо мстил сразу, либо выжидал, чтобы нанести удар позже, изощрённо и болезненно. Мысль о том, чтобы просто смириться и проглотить оскорбление, была для Цуй Люя невыносимой.

Дворецкий с тревогой оглядывал своих охранников, гадая, хватит ли этих пятидесяти человек хотя бы на один серьёзный натиск гвардейцев.

«Господин, может, стоит потерпеть? — сокрушённо думал он. — Вернёмся домой, соберём побольше людей...»

Цю Саньдао носил третий ранг, тогда как даже в крупных провинциях главы ведомств редко

поднимались выше четвёртого. В Цзянчжоу из-за его особого статуса чин главы области соответствовал четвёртому рангу, генерал-губернатор обладал лишь почётным первым, а инспектор Би Хэн — вторым.

Цуй Чэн не мог взять в толк: откуда у его хозяина берётся дерзость так открыто перечить столь высокому чину?

Дворецкий чувствовал, как по спине струится холодный пот; его движения стали механическими, словно у марионетки, а ноги то и дело заплетались.

И дело было не только в его трусости. Влиятельнейшим человеком в клане Цуй на данный момент считался Цуй Юй, совсем недавно ставший регистратором управы. Когда пал Янь Сю, Цуй Юй даже не получил вестей из первых рук. Лишь когда во внутреннем городе ввели осадное положение, а инспектор Би принял на себя управление делами области и издал указ о комендантском часе, Цуй Юй услышал имя старшего брата от своих коллег.

Он так и не осмелился спросить, какой именно Цуй Люй имеется в виду. Подобрал полы халата, он тайком пробрался к переулку возле аптеки и теперь, испуганно озираясь, пытался понять — тот ли это самый брат.

Его сердце колотилось так, словно он участвовал в состязании по игре в мяч. Увидев Цуй Чэна с отрядом охранников, Цуй Юй ощутил волну слабости — «это и впрямь он». Он привалился к стене и сполз на землю, не в силах подняться.

«Старший брат! Десятилетиями ты не покидал Хуйцзюй, но стоило тебе выбраться, как ты поднял такую бурю...» — сокрушался он. Все семьи, имевшие связи в управе, уже начали перерывать реестры, пытаясь отыскать корни клана Цуй. Скрываться более было невозможно — клан Цуй собирались вывернуть наизнанку.

Глядя на гвардейцев Столичного округа, охранявших вход в лечебницу, Цуй Юй мог лишь смирить свою тревогу и продолжать ждать в тени.

В отличие от простых горожан, он ясно видел разницу между людьми инспектора Би и этой группой, состоявшей из мужчин и женщин. Охранники, прибывшие с Би Хэном, были набраны из элиты, защищавшей императорский город. Многие из них происходили из знатных семей и отправились в Цзянчжоу лишь ради продвижения по службе. Ими нельзя было понукать, как рядовыми солдатами, но и подкупить их мелкими подачками было невозможно — любая попытка сунуть пару серебряных монет за сведения вызывала у них лишь высокомерный гнев.

Что же касается второй группы, их амуниция и знамёна с драконьим узором на черном фоне кричали о принадлежности к личной гвардии императора.

Обе группы вошли в Цзянчжоу почти одновременно, и хотя целью обеих был Янь Сю, их поведение у ворот поместья — одни действовали решительно, другие лишь наблюдали со

стороны — заставило старых лисов из управы заподозрить неладное.

А раз так, нельзя было опрометчиво примыкать ни к одной из сторон. Выжидание стало их единственной тактикой.

Никогда прежде в Цзянчжоу не входили сразу два таких отряда. Неужели двор придумал новую стратегию, решив запутать всех, разделив полномочия на внутренние и внешние?

Местные кланы уже начали строить теории заговора вокруг событий в поместье Янь Сю. Слухи множилось: от «проклятия бесплодия» до ночных речей о «беременных мужчинах». Всё началось из-за какой-то наложницы, но теперь грозило гибелью всему Цзянчжоу.

«Смехота! — шептались в знатных домах. — Чтобы вернуть контроль над городом, двор готов на любую ложь, даже выдумал сказки про колдовство».

Поговаривали, что Великий император и сам увлекался гу. Если бы он мог насыпать проклятие бесплодия, зачем было воевать? Наслал бы мор на династию Ся, и дело с концом.

А уж беременные мужчины — это и вовсе за гранью. Когда в Северном коридоре была засуха и вымидали целые деревни, почему-то никто не слышал, чтобы мужчины вынашивали детей ради продолжения рода.

Вывод напрашивался сам собой: это колдовство придумали специально против Цзянчжоу. Очередная интрига. Местные не верили, что то, чего не было веками, вдруг станет возможным сейчас.

«Пусть сначала хоть один затяжелеет и покажет нам живот, вот тогда и посмеёмся!» — иронизировали богачи.

Два дня поместье Янь Сю находилось под негласным наблюдением. Входили и выходили только люди инспектора Би, а хвалёная Гвардия Нефритового Дракона даже не покидала стен дома.

Ходили слухи, что Янь Сю подвергли изощрённым пыткам, а затем с помощью снадобий принудили к... непотребству с его собственным дворецким. Семьи, собиравшиеся устранить Янь Сю, чтобы тот не заговорил, притихли.

«Какая верность! Какое благородство! — иронично вздыхали они. — Его так унизили, а он до сих пор не выдал наших тайн. Господин Янь — истинный герой, а эти гвардейцы — просто звери, даже не могли найти ему юного аколита покрасивее!»

В одночасье знамя с драконом в глазах горожан утратило свой блеск. Оно больше не казалось символом справедливости, о котором трубили за рекой.

Цуй Люй понимал: такие слухи нельзя оставлять без внимания. Цю Саньдао, как командир гвардии, должен был очистить имя своего подразделения, но вместо этого он не отходил от Цзи Байлин. Стало ясно: этот человек лишен бдительности перед лицом великой угрозы, он слишком эмоционален и не умеет разделять личное и служебное.

Когда враг так беспечен, грех не воспользоваться его слабостью.

Цуй Люй, не колеблясь, договорился с Би Хэном, и тот помог ему закинуть наживку.

Цю Саньдао ранил его и даже не подумал извиниться. И хотя Цуй Люй сам отчасти спровоцировал этот удар, он всё же пострадал от его клинка. Для Цуй Люя, воспитанного в идеалах северных земель, где армия и народ — одна семья, извинение было вопросом элементарного воспитания. Но командир смотрел только на Цзи Байлин, презирая раненого «простолюдина».

Возможно, годы сражений с конницей Лянцян вытравили из него почтение к жизни, и он привык видеть в соотечественниках лишь пыль под копытами?

Но никакие оправдания не могли скрыть того факта, что все помыслы этого воина были сосредоточены на одной женщине.

«Раб своих чувств, — подумал Цуй Люй. — Это болезнь. И её нужно лечить».

Он убедил Би Хэна представить их отношения так, будто Цуй Люй — лишь незначительный помощник, не имеющий права голоса. Би Хэн вёл дела с Цю Саньдао один на один, скрыв, что главным выгодоприобретателем в деле Банды речных перевозок является именно Цуй Люй. Всё это было сделано ради того, чтобы Цуй Люй мог нанести свой удар.

Да, у Цю Саньдао был острый клинок. Но что с того? Меч без разума — лишь инструмент в чужих руках. Даже занимая высокий пост, в этих землях ему придётся научиться смирению перед местным «змеем».

Цуй Люй больше не собирался терпеть. Его уход был демонстративным: он давал понять, что если им снова понадобится Ли Янь, просить её у Би Хэна бесполезно — решать будет он.

Он покидал лечебницу с высоко поднятой головой. Боль от раны и пролитая кровь были оплачены с лихвой. Командир Цю получил свой первый урок в Цзянчжоу: никогда не презирай тех, кто кажется ниже тебя.

Би Хэн кашлянул, преграждая Цю Саньдао путь, и искренне посоветовал:

— На вашем месте, командир Цю, я бы сейчас заперся в покоях и не выходил. Чтобы в полночь, когда начнутся рези в животе, не уронить достоинство перед подчиненными. Вы представляете

императора, и сейчас, когда репутация вашей гвардии и так черна от слухов, стоит быть осторожнее. Нам ведь обоим возвращаться в столицу с отчетами. Вы же не хотите, чтобы я лгал государю? Мы ведь с вами не в такой уж тесной дружбе...

Ещё вчера он говорил иначе. Цю Саньдао смотрел на него, и гнев туманил его разум. Ему казалось, что он попал в какой-то дьявольский капкан.

Всё началось с Ли Янь и её проклятия. Он был уверен: её гу лишь дарует долголетие, и не более того. Это была уловка, чтобы напугать толпу, но как они посмели обмануть его?

Цю Саньдао верил, что его влечение к Цзи Байлин — лишь плод искреннего чувства. Разве мог он остаться равнодушным, когда его возлюбленная рыдала?

По странному совпадению, все мужчины, в которых Эбао пробудила страсть той ночью, убеждали себя в том же самом.

Никакого принуждения — всё по доброй воле. Именно поэтому, почувствовав неладное в теле, они не стали сразу искать лекарства. Это давало зародышам шанс удержаться в телах своих «отцов». Эбао использовала гормоны, чтобы вызвать прилив «родительской любви» — своего рода психологическая защита для незваного гостя.

В противном случае ни один мужчина не смирился бы с таким искажением своей природы. Ради «чести и достоинства» они бы пошли на что угодно, лишь бы избавиться от плода в своём чреве.

Цуй Люй, изучив характер Цю Саньдао, подговорил Би Хэна нанести последний удар словами.

Гордость и высокомерие — вот на чём играл Цуй Люй. В столице командир, возможно, и умел быть скромным, но здесь, среди провинциальных чиновников, готовых на всё ради его расположения, он быстро потерял самообладание.

Цуй Люю нужна была эта минутная вспышка безрассудства.

Цю Саньдао крепче сжал рукоять меча:

— Инспектор Би, мне не нужно ваше заступничество в отчётах. Если кто-то посмеет очернить знамя с драконом, я лично казнь наглеца.

Он резко развернулся к своим людям:

— Отряд за мной! Пройдемся по городу. Я хочу посмотреть, у кого хватит смелости проявить неуважение к моей гвардии под самым моим носом!

Сердце Би Хэна радостно екнуло. «Сработало! — подумал он. — Ох и мастер же Люй-цин плести сети для людских душ. Слава богам, что мы друзья... лучшие друзья!»

Если бы Цю Саньдао не шел на поводу у Цзи Байлин и не пытался вставлять Би Хэну палки в колеса, инспектор не стал бы так рисковать. Но этот гвардеец, вместо того чтобы помогать, вздумал торговаться о славе.

Неужели он вообразил, что Би Хэн старается ради себя? Если в Цзянчжоу воцарится порядок, то и Цзи Байлин сможет оправдать своё пребывание здесь «государственными нуждами». Это ли не выгода для влюбленного командира? Но нет, он захотел оспорить право Би Хэна на управление городом.

Инспектор собирался использовать эту славу, чтобы вытащить Цуй Люя из неизвестности, дать ему должность и сделать своим соратником в деле строительства каналов. Он не мог допустить, чтобы его друг оставался простым обывателем. Но если Цю Саньдао заберёт часть заслуг себе, как Би Хэн сможет возвысить Цуй Люя? При таком раскладе гвардеец просто задавил бы их своим авторитетом.

А значит, командир должен совершить ошибку. Опозориться или потерять лицо, чтобы потом, вымаливая прощение, беспрекословно выполнять приказы. Так Цю Саньдао станет лишь инструментом в руках Би Хэна, а не соперником.

«Простите, командир, но двум тиграм на одной горе не ужиться. В Цзянчжоу хозяином буду я», — решил Би Хэн.

Так двое стариков, стоивших друг друга, сговорились преподать молодому выскочке урок истинной «канцелярской тьмы».

Что там говорили про полночь третьего дня?

На самом деле именно в полдень, когда энергия Ян на пике, а пульс наиболее стабилен, наступает момент, когда даже три чаши отвара не помогут избавиться от плода. Именно тогда тело начинает бурно отторгать чужака.

Если бы всё было так просто, как у женщин — толкнул в плечо, и выкидыш, — мужчины никогда бы не покорились.

Но когда плод нельзя ни вытравить, ни извергнуть, рождается вера в «небесное предопределение». Если бы от ребенка было легко избавиться, мужчины не знали бы жалости. Они бы лишь упрекали женщин в слабости.

Но Эбао перестроила их тела так, что все те требования, которые они предъявляли женщинам, теперь обрушились на них самих. Теперь они не смогут сказать, что рожать — это всё равно

что снести яйцо.

Если хоть одна женщина в Цзянчжоу осознает это, начнется великое пробуждение. И Департамент по делам женщин, чьи успехи доселе были скромны, пожнёт небывалый урожай.

Цуй Люй отъехал на карете совсем недалеко — свернул в ближайший переулок и стал ждать. Не прошло и четверти часа, как Цю Саньдао во главе отряда промчался мимо, отправившись «искоренять крамолу».

Вскоре показался и Би Хэн. Он довольно потирал руки и, заметив карету Цуй Люя, подмигнул другу: всё готово. Никаких угрызений совести из-за того, что они обманули «ребенка», старики не испытывали.

«Если старшие в семье не научили его жизни — научим мы. Этот урок пойдёт ему на пользу», — решили они.

Цуй Люй постучал по стенке кареты:

— Едем. У нас свои дела.

Но стоило лошадям тронуться, как к экипажу метнулась тень. Человек, вцепившись в дверцу, задыхаясь, прохрипел:

— Старший брат? Брат, это я — Цуй Юй!

Наконец-то он дождался.

Но взглянув на охрану кареты, он пришёл в ужас. Вокруг экипажа плотной стеной стояли люди в полном вооружении, и их клинки выглядели куда внушительнее тех, что были у стражи Янь Сю.

«Что это? Что они задумали?»

Цуй Юй схватил Цуй Люя за руку, забыв о былом страхе перед братом, и отчаянно зашептал:

— Брат! Опомнись! Я знаю, тебя обидели у ворот поместья, но это... это уже чересчур!

Он испугался, что Цуй Люй решил открыто выступить против властей.

Цуй Люй не удивился его появлению, лишь спросил спокойно:

— Что ты мелешь, третий брат? Залезай в карету, поговорим.

Цуй Юй проворно вскарабкался внутрь. Забыв о приличиях, он набросился на еду и чай, которые подал Цуй Чэн — за долгие часы ожидания он проголодался до смерти. Утерев рот, он опустил перед братом на колени:

— Брат, скажи мне правду — на чьей ты стороне?

Цуй Люй прищурился:

— От чьего имени ты спрашиваешь?

Цуй Юй замялся и поник:

— Коллеги по управе шепчутся... да и я сам не свой. Брат, нас сейчас под микроскопом разглядывают. Если кто-то узнает, что мы — те самые Цуй из Болина, нам не дадут спокойно жить. Старые кланы в столице поднимают голову, и любой, чья родословная насчитывает сотни лет, становится целью. Нас в покое не оставят!

После того как Цуй Юй помог брату разделаться с Цуй Гу, Цуй Люй открыл ему тайну их происхождения. Это открытие принесло Цуй Юю не только гордость, но и великий страх.

Стоит правде всплыть — и о покое можно забыть. Найдутся те, кто захочет прибрать к рукам «наследие великого рода». Тайники древних кланов — это легенды о несметных богатствах, и охотники за ними замучают их визитами.

А ведь от бывшего величия осталось только имя. Цуй Юй не видел в клане ни воинов, ни защитников, а Цуй Люй не спешил открывать ему, есть ли у них верные слуги.

Что, если кто-то под видом разбойников нападёт на их родовое гнездо? Их мирные соплеменники беззащитны перед грубой силой.

От этих мыслей лоб Цуй Юя прорезали глубокие морщины.

Цуй Люй молчал, закрыв глаза и обдумывая следующие шаги. Карета мерно катилась по мостовой внутреннего города, направляясь к окраинам. Прохожие с любопытством провожали взглядами отряд из пятидесяти вооруженных всадников. Те, кто посмелее, шли следом, перешёптываясь и указывая на пятерых охранников, которые несли в руках резные ларцы.

«Что там? Словно напоказ несут!»

Эта толпа любопытных росла, пока карета не въехала на территорию Банды речных перевозок.

Здесь уже полчаса как запретили движение посторонних. Преследователям пришлось остановиться у границы и тянуть шеи. Когда экипаж замер, Цуй Люй, опираясь на руку Цуй Чэна, сошёл на землю. Рана на спине начала затягиваться, и если не делать резких движений, он мог идти сам. Но поддержка верного дворецкого придавала ему вид величественного патриарха. При виде его рабочие на пристани и охранники в галереях мгновенно смолкли.

«Так это и есть тот самый богач, что инспектору Би — как брат?»

Глаза Цуй Юя едва не вылезли из орбит. Он ошарашенно указывал то на брата, то на людей, вышедших им навстречу, не в силах вымолвить ни слова.

У Фан, сохраняя спокойствие, поклонился Цуй Люю:

— Господин, всё кончено. Приближенные главарей схвачены и связаны. Остальные ждут — они хотят увидеть своих хозяев.

Линь Лифу, стоявший позади с отрядом угрюмых людей в простой одежде, чьи лица были в синяках, а руки — в крови, вышел вперед:

— Господин Цуй, мы надеемся на вашу честность. Дайте нам шанс выжить. Мы готовы трудиться, готовы подчиняться закону, но мы не станем рабами. Эти иуды из главарей держали нас в чёрном теле, заставляя подписывать кабальные договоры. Мы — люди реки, и наши имена всегда были в списках свободных людей. Поэтому, господин Цуй...

Цуй Люй властным жестом прервал его:

— Мне не нужны рабы. В моём доме служат лишь те, кто пришёл по своей воле, и они свободны уйти в любой миг, если найдут место лучше. Я не собираюсь менять ваш уклад. У Банды речных перевозок свой ритм, у людей реки — своя гордость. Я знаю ваш закон: «Речной человек не знает господина». Будьте покойны, в реестрах вы навсегда останетесь свободными.

Среди людей Линь Лифу пронёсся гул облегчения. Многие из них пали ниц перед Цуй Люем. Идя на этот переворот, они рисковали всем, и если бы новый хозяин решил превратить их в свою частную собственность, им осталось бы только сложить головы.

Но обещание Цуй Люя и золото, которое уже везли следом, растопили лёд в их сердцах. Пусть они были бедны, но каждый мечтал однажды сойти на берег, построить дом и дать детям образование, чтобы те вырвались из нищеты.

Цуй Люй проследовал в большой склад, где обычно решались дела банды. Это было огромное здание с соломенной крышей и деревянными стенами, где всегда кипела работа. Но сегодня здесь было тихо — сотни людей ждали его слова, сидя на балках и тюках.

Многие видели его впервые, но слух о «добром господине», вложившем в их склады десятки тысяч серебром за последние месяцы, уже прочно укрепился в их умах.

«Деньги не падают с неба, — думали они. — Теперь ясно, к чему он клонил: он просто переманил на свою сторону людей главарей».

Когда на помост выставили ларцы и открыли их, взглядам рабочих предстали головы их бывших предводителей. Те самые люди, что ещё вчера помыкали ими, теперь смотрели остекленевшими глазами на тех, кого считали никем.

Толпа ахнула. Кто-то сорвался с балок, кто-то поперхнулся водой, у кого-то из рук выпала миска. На миг в огромном складе воцарилась мёртвая тишина.

Цуй Люй сел в высокое кресло — место, где всегда сидел старший главарь. Сотни глаз впились в него, люди ловили каждое его движение.

Этот невозмутимый старик оказался настоящим хищником. Одним ударом он перевернул всё небо над Бандой речных перевозок.

Цуй Юй, стоявший рядом, окончательно впал в прострацию. Это было логово бандитов, куда чиновники не смели соваться даже с приказом управы. А теперь его брат сидит здесь как законный владыка.

«Эти головы...»

Голос Цуй Юя застрял в горле. Он смотрел на брата, и его сердце колотилось так, что казалось, оно вот-вот лопнет. Неужели этот тихий старик способен на такое?

Цуй Люй заговорил:

— Фамилия моя — Цуй, я из рода, что испокон веков живёт в уезде Хуйцзюй. Раньше вы обо мне не слышали, так давайте познакомимся. Я — Цуй Люй. Я обладаю степенью цзюйжэня, но к службе у меня души не лежит. Зато я очень люблю деньги...

В те времена простые люди любили деньги, но не решались говорить об этом вслух, боясь осуждения. Учёные же и вовсе презирали «презренный металл», считая его прахом.

Но Цуй Люй не стал кривить душой. Он прямо заявил: у него есть статус, он образован, но

страсть к обогащению — это его природа, и скрывать её он не намерен.

— В Хуйцкое мне стало тесно, — продолжал он. — Всю землю и горы в округе я уже скупил. Деньги в сокровищнице начали пылиться, и я решил искать партнеров здесь. Но ваши главари оказались на удивление недалёкими людьми. Они жировали на вашей крови и поте, не желая делиться даже крохами. Все мои предложения о торговом союзе они отвергали, требуя непомерную долю. Если бы это серебро шло вам, я бы не возражал. Но я узнал, что многие из вас не могут даже прокормить семьи или жениться. Это в корне противоречит моим принципам. Впрочем, вы наверняка не знали, сколько домов и женщин скрывали ваши хозяева... Сяоцян, неси добро!

Тао Сяоцян по знаку хозяина ввёл отряд людей, которые выставили на площадь перед складом сотню тяжелых сундуков. С грохотом падали замки, и на свет явились груды медных монет и слитки белого серебра.

Почти сто тысяч.

Цуй Люй мерно постукивал пальцами по подлокотнику, и этот звук раздавался в тишине, словно бой барабана.

— Это то, что мы нашли в их тайных убежищах. И скажу вам честно — это далеко не всё...

Толпа взревела. Люди, которые годами слушали сказки о том, как трудно банде выживать и как мало приносит река, смотрели на это богатство с яростью.

«Трудно им было?! — кипели рабочие. — Трудно было прятать столько денег и спать с десятками женщин?!»

Линь Лифу не поспешил на подробности, открыв людям правду о «скромной жизни» главарей, которые иногда даже носили одежду с заплатами, чтобы обмануть подчиненных.

В одно мгновение остатки верности банде испарились. Люди плевали в сторону голов своих бывших хозяев. «Пусть горят в аду! Если бы они не сдохли сейчас, мы бы сами их придушили!»

Улыбка Цуй Люя стала шире:

— Я верю в то, что богатство должно наживаться честным путём. Поскольку эти деньги были отняты у вас, я возвращаю их вам. Не нужно благодарить меня за доброту — это то, что принадлежит вам по праву. Мне не нужна ваша признательность, но я хочу, чтобы вы уяснили одно...

Он обвел взглядом притихшую толпу, и голос его зазвучал властно:

— Отныне этот порт принадлежит мне. У вас больше нет «главарей», есть только управляющие и работники. Я не привык есть мясо в одиночку, пока другие голодают. Если вы согласны работать на меня, знайте: на этой пустынной земле будут построены кирпичные дома для ваших семей. А комиссия с каждой сделки будет не десять монет из ста, а всего одна.

В толпе воцарился хаос. Изменить комиссию в десять раз! Это означало, что заработок семьи вырастет невероятно. Теперь они и впрямь могли надеяться на дом и достойную жизнь.

Цуй Люй показал им, что труд может иметь смысл. Его «любовь к деньгам» оказалась на удивление выгодной для простых рабочих. Люди смотрели на него с обожанием — перед ними стоял господин с размахом, который понимает толк в деле.

Тао Сяоцяннь гордо выпрямился и громко объявил:

— Внимание! Наш господин решил отпраздновать своё вступление во владение портом! Всё это золото будет разделено между вами до последней монеты. На каждого человека в семье — поровну! Слушайте внимательно: на каждого! Старик ли, младенец — неважно. Если кто-то лежит больной и не может прийти — сосед подтвердит, и деньги выдадут. Если не хватит этого — господин добавит своего! Те, у кого семьи рядом — ведите их сюда, кто не может — зовите соседей для поручительства!

Он на миг замолчал, словно что-то вспомнив, и добавил во весь голос:

— И женщин считайте! На каждую женщину тоже полагается доля!

Склад взорвался криками. До этого в реестрах всегда учитывали только мужчин. Слова Сяоцяння заставили семьи, где было много дочерей, буквально прыгать от радости.

— Парень, ты не шутишь?! Неужто и на девок дадут?!

— Зачем мне вам врать? — отрезал Сяоцяннь. — Слово нашего господина твердо. Кто не верит — спросите в Хуйцюе. У нас в поместье даже господам и дочерям положена доля в деле. Весь уезд тому свидетель!

Никто никогда не слышал, чтобы женщинам выделяли долю в имуществе. Цуй Люй в глазах толпы окончательно превратился в «Живого Бодхисатву», посланного небесами, чтобы научить их зарабатывать.

В полдень, когда солнце заливало радостные лица людей, получавших деньги, среди шума и суеты внезапно раздался крик боли:

— Ой! Живот прихватило! Мать честная, как больно!

Ли Янь, всё это время сидевшая в тени стражников в мужском платье, подняла голову и, глядя на солнце, хихикнула. Она подошла к Цуй Люю, который спокойно пил чай:

— Дедушка, время пришло.

Её глаза лукаво блестели — ей явно не терпелось вернуться во внутренний город и посмотреть на «представление».

— Ну и злопамятная же ты, — вздохнул Цуй Люй, погрозив ей пальцем.

Его удивляло, как в этой «безумной» девчонке уживается жажда справедливости и умение карать обидчиков. Би Хэн рассказывал, что в здравом уме она была слишком кроткой. Видимо, лишившись разума, она обрела способность защищать себя.

В толпе то здесь, то там начали раздаваться крики. Мужчины хватались за животы, друзья бросались им на помощь, выкликая лекаря. Цуй Люй поднялся и подошел к одному из страдавших.

— Ты ведь был во внутреннем городе на днях? — участливо спросил он. — И в ту же ночь делил ложе с женой?

Корчась от боли, мужчины кивали, забыв о стыде.

Ли Янь протиснулась вперед, присела рядом и начала ощупывать животы.

— Уплотнение есть. Свершилось! — авторитетно заявила она.

— Что свершилось?! — в ужасе спросили её.

Ли Янь расплылась в блаженной улыбке:

— Ребенок! У вас в животах — детки!

— Что?! Что ты несешь?!

Ли Янь продолжала с умилением:

— Какие же вы добрые мужья! Так любите своих жен, что решили сами за них мучиться. Вы будете прекрасными отцами!

Люди не знали, что и думать. Она издевается или говорит всерьез?

— Нужно найти настоящего врача! Мужчины не рожают! Это бред!

Цуй Люй оттащил Ли Янь от разъяренных рабочих и обратился к толпе:

— Отныне в порту деньги будут считаться на каждого члена семьи. За тяжелый труд комиссия будет один к ста. Для ваших детей, мальчиков и девочек, я открою школу. Мы найдем ученых мужей, и учиться смогут все. Все расходы банда берет на себя.

Он ещё не прописал все правила, но эти мысли зрели в его голове с самого въезда в Цзянчжоу. Это был лучший способ привязать людей к себе и укрепить Банду.

Окружающие замерли, забыв про боль. Им казалось, что Цуй Люй — святой, спустившийся с небес. Такие условия жизни были за гранью их самых смелых мечтаний.

Цуй Люй не стал задерживаться. Раз симптомы проявились здесь, значит, в городе сейчас творится нечто невообразимое.

Перед уходом он посмотрел на Цуй Юя, который так и замер в кресле.

— Третий брат, если ты не занят, пригляди здесь за всем? У Фана я заберу, а ты останься за меня. Если возникнут вопросы — решай сам.

Цуй Юй, прослуживший в управе много лет, наверняка справится с управлением, решил Цуй Люй. Тот выпрямился и посмотрел на брата — он видел в нем незнакомца, но этот новый Цуй Люй казался ему куда ближе и человечнее прежнего.

— Ступай, брат. Я всё сделаю, не подведу.

Цуй Люй одобрительно похлопал его по плечу и направился к карете, забрав с собой тех нескольких бедолаг с болями в животе. По пути во внутренний город он то и дело видел мужчин, которые, согнувшись пополам, искали лекарей.

Ли Янь наблюдала за этим из окна кареты, прикрывая рот ладонью и посмеиваясь. Младенец в её руках вел себя на редкость тихо — ел и спал, не доставляя хлопот. Но стоило Линь Лифу попытаться взять его на руки, как ребенок заходился в плаче. В итоге Ли Янь со спокойной совестью оставила малыша себе.

— Они так мучаются... — заметил Цуй Люй, глядя на корчащихся мужчин. — Неужели они не захотят избавиться от плода?

Ли Янь ответила с мудростью, несвойственной её возрасту:

— Пусть помучаются. Когда боль отпустит, им станет легко. А потом мы скажем им, что избавляться от ребенка в десять раз больнее, чем носить. Страх перед новой болью заставит их смириться.

Она была права. Какая женщина не боится родов? Но пройдя через боль, она обретает связь с ребенком. Раньше мужчины использовали это против женщин, теперь же роли поменялись.

«Пусть почувствуют, каково это — когда тобой манипулируют через твоё собственное тело», — подумала она.

Цуй Люй вздохнул. Как мужчина, он должен был сочувствовать им, но порядки в Цзянчжоу требовали перемен. Если женщин и дальше будут держать взаперти, лишая их прав, они никогда не смогут защитить себя в лихолетье.

Его план открыть школу для девочек наверняка вызовет ярость у консерваторов. Чтобы сломить это сопротивление, нужно было заставить мужчин осознать: в человеческом достоинстве никто не выше другого.

Эта «эпидемия» была идеальным шансом разрушить старые стены.

Вскоре они добрались до лечебницы. Толпа там была такой плотной, что яблоку негде было упасть. Повсюду были мужчины, хватавшиеся за животы.

— Дорогу! Расступитесь! Командир, терпите, мы уже пришли!

Это был отряд Цю Саньдао. Видимо, боль настигла их в разгар патрулирования.

Стражники сняли с коня человека, который был буквально привязан к седлу веревками. Бледный, мокрый от пота, едва держащийся на ногах — это был сам великий и ужасный командир Цю.

Цуй Люй остановился и увидел, как из дверей лечебницы буквально вылетает старый доктор, тот самый, что лечил его рану. Старик был в ужасе, но продолжал выкрикивать:

— Я не ошибся! Клянусь своей головой — это «радостный пульс»!

Он дрожал, но за десятилетия практики он узнавал пульс беременной женщины из тысячи. Он не мог ошибиться, даже если бы хотел.

В это время с другой стороны появился Би Хэн. Он с преувеличенной тревогой сопровождал носилки, на которых лежал осунувшийся и пожелтевший Янь Сю.

— Доктор! Скорее! Господину Яню плохо, у него живот болит! — кричал Би Хэн.

Цуй Люй смерил друга взглядом. «Актер... — подумал он. — Неужто Янь Сю, глава области, не мог вызвать врача на дом? Ты специально вытащил его на свет божий, чтобы все видели его позор?»

Би Хэн был безжалостен.

Заметив Цуй Люя, инспектор хитро подмигнул ему: мол, оцени масштаб задумки.

Старый лекарь дрожал, боясь нового удара, но под напором Би Хэна всё же коснулся запястья Янь Сю. Едва почувствовав пульс, он отдернул руку и прошептал так тихо, что его едва слышали:

— Радостный... пульс.

Старик выглядел так, словно сам стоял на краю могилы. Он обратился к толпе мужчин:

— Господа, прошу вас... сходите к другому врачу. Быть может, я сошел с ума или мои руки огрубели...

Он был готов признать себя неучем, лишь бы не подтверждать очевидное. Мужчины города поголовно беременели! Плод был крепок, пульс — полон жизни. Доктор, будучи человеком милосердным, едва сдерживался, чтобы не поздравить их.

Цю Саньдао, шатаясь, вышел на крыльцо. Его лицо было мертвенно-бледным. Опираясь на дверной косяк, он с трудом вытащил меч и направил его на лекаря:

— Я приказываю тебе... избавь меня от этого.

Он не хотел верить в сказки про младенца, но сотни мужчин вокруг страдали от тех же симптомов. Видя, как врач подтверждает диагноз один за другим, и увидев Янь Сю, он осознал реальность.

Он был беременен.

Это было невыносимо. Он — командир элитной гвардии, и он будет рожать?

— Нельзя! — раздался звонкий голос Ли Янь.

Она появилась в окружении рабочих Банды, которых Линь Лифу привел в город. Их было больше сотни, и теперь сила была на стороне Цуй Люя.

Цю Саньдао мгновенно направил острие меча на девушку. Его глаза налились кровью.

— Твои проделки?! Я знал, что ты не безумна! Ты всё подстроила! Ли Янь, немедленно сними это проклятие, иначе...

Её появление прояснило его мысли. Он решил, что это магия гу, и если захватить её, он спасется. И к тому же, Цзи Байлин всё равно требовала выдать девушку.

Он хотел сделать выпад, но Цуй Люй молниеносно оттолкнул Ли Янь за спину, передав её У Фану. Клинки стражников скрестились, высекая искры.

Цуй Люй заговорил ледяным тоном:

— Командир Цю, я слышал, вы говорили, что истинная любовь — это готовность подарить любимому наследника. Вы так преданы госпоже Цзи, что должны радоваться — ведь вы носите её дитя под сердцем. Почему же вы в таком гневе? Неужели ваша любовь — лишь слова, а на самом деле вы просто хотели воспользоваться её расположением?

Слова его били больнее клинка.

Би Хэн почувствовал, как воздух вокруг похолодел. Янь Сю на носилках открыл глаза и тусклым взором посмотрел в небо. Би Хэн тут же склонился над ним:

— Господин Янь, поздравляю! В роду Янь будет прибавление. Теперь вам не нужно похищать чужих дочерей ради продолжения рода — небеса даровали вам возможность родить самому. Какое счастье, не правда ли?

Янь Сю издал горловой хрип и снова потерял сознание.

Цю Саньдао застыл, не в силах найти слов для ответа. Гнев, стыд и нарастающая боль в животе лишили его рассудка.

— Гвардия! — прохрипел он, обнажая меч. — Убить всех перед лечебницей! Никого не щадить!

Лицо Би Хэна мгновенно стало суровым. Он не ожидал, что командир решится на такое безумие.

— Мальчишка, ты смеешь?! — рявкнул инспектор. — Твой род не вынесет такого позора! Ты хочешь погубить всю свою семью?!

Но Цю Саньдао уже ничего не слышал.

— Если я погибну, то заберу вас всех с собой! — вскричал он.

Он понимал, что о событиях в Цзянчжоу доложат императору, и скрыть правду не удастся. Смерть здесь казалась ему единственным способом защитить честь семьи — пусть грех падет только на него.

Цуй Люй, разгадавший его мысли, встал плечом к плечу с Би Хэном.

— Не будь так наивен. Поверь, стоит тебе испустить дух, как твои родичи один за другим отправятся вслед за тобой на тот свет.

Гвардейцы за спиной Цю Саньдао, сохранившие рассудок, не спешили обнажать мечи.

— Командир, остыньте! — шептали они.

Предки учили: в чужих землях нельзя поддаваться гневу.

Цю Саньдао пошатнулся. Силы оставили его, и он рухнул лицом в дорожную пыль.

Ли Янь посмотрела на него, потом на Цуй Люя и широко улыбнулась:

— Дедушка, смотри! Он в обмороке!

Нужно было позаботиться о его плоде — нельзя же позволить такому «отцу» потерять ребенка от простого гнева.

<http://bllate.org/book/16118/1587339>